

ОШИБКА ХИРУРГА МОРЕСИНИ

Драма в 17 картинах
с прологом и эпилогом
Перевод со словацкого
Виктории Каменской

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Альберто Моресини.
Чезарина, его служанка.
Дженнаро, его ученик.
Вольпини, прокурор Трибунала святой инквизиции.
Падре Карло.
Донатто, скульптор.
Орсини, кардинал.
Коллеоне, ректор, председатель Трибунала святой инквизиции.
Папский нунций.
Феличита.
Коллини, магнат.
Синьора Коллини, его жена.
Бьянка, их дочь.
Ипполит, нищенствующий монах.
1-й монах } стража
2-й монах } в суде.

ПРОЛОГ

Болонья, 1589 год.

Звучит музыка в типично ренессансной инструментовке, сцена постепенно озаряется ярким светом. Церемониальный зал, где стоят магнат Коллини, его супруга синьора Коллини, Орсини, Вольпини, ректор Коллеоне, Феличита, Карло, у празднично накрытого стола нищенствующий монах Ипполит украдкой набивает рот, пока остальные чинно следят за окончанием церемонии вручения Моресини университетских регалий. Альберто Моресини, напряженный, словно струна, держит в руке футляр с докторским дипломом, затем склоняет голову, чтобы на шею ему повесили цепь с медалью. Цепь вешает Ректор, он же первый поздравляет Моресини, пожимает ему руку. Остальные благосклонно аплодируют. Ипполит, воспользовавшись аплодисментами, хватает со стола новый кусок. Среди гостей неслышно бродят юноши в сутанах, обнося всех напитками. Страдающий одышкой Орсини с бокалом в руке подходит к Моресини.

Орсини. Благодарю высокочтимого господина ректора (*Легкий поклон.*), а тебя, дорогой мой сын, поздравляю. Ты сделал блестящую научную карьеру, которая заслуживает самых высоких похвал. Благославляю эти руки хирурга, твой незаурядный талант ученого, которым тебя одарил наш всемогущий Господь в своей бесконечной доброте и

щедрости... Я верю, регалии нашей почитаемой alma mater будут для тебя не только символом высокого ученого звания, но и импульсом для богоугодных дел... *(Подходит к Моресини, тот преданно целует епископский перстень.)*

Альберто *(растроганно)*. Можете на меня положиться, достопочтенный отец...

Орсини, благосклонно чокнувшись с ним, пьет вино. Моресини тоже поспешно отпивает из бокала.

Орсини. Ты знаком с достойным и всеми уважаемым синьором Коллини?

Альберто. Нет еще, достойный отец.

Орсини *(по-отцовски ласково)*. Это поправимо. Он влиятельный человек... И не только в нашем городе. *(Взяв Моресини за локоть, подводит его к Коллини. Раскланиваются.)* Позвольте, ваша честь, представить вам нынешнего именинника... Профессор Моресини, гордость нашей медицины.

Альберто кланяется, ожидая, когда ему подадут руку. Коллини с достоинством протягивает ее.

Коллини. Очень приятно... Наслышан о ваших успехах... *(Неожиданно сухо смеется.)* Счастье, что я здоров. Но ведь никогда не знаешь... Правда?

Альберто *(в замешательстве)*. Вы правы...

Коллини *(снова сухо смеется)*. Я в с е г д а прав, доктор. Хочу представить вас супруге.

Альберто. Это большая честь...

Коллини. Полагаю. *(Зовет жену.)* Подойди сюда, дорогая. Это... Как вы сказали?

Орсини и Альберто *(одновременно)*. Моресини.

Коллини. Ах да, Моресини. Простите, я гораздо лучше запоминаю цифры. *(Сам доволен своей шуткой.)*

Синьора Коллини *(бросив на мужа презрительный взгляд)*. Очень приятно, профессор. От души поздравляю. *(Окидывает его внимательным женским взглядом.)* Вы знакомы с отцом Коллеоне?

Альберто. Не имел чести... Лишь официально.

Синьора Коллини *(сладко)*. Пойдемте, мой милый, я вас представлю. Вы позволите, господа? *(Коллини и Орсини безмолвным поклоном выражают согласие.)* Вам тут нравится?

Альберто *(искренне)*. Очень... Но...

Синьора Коллини. Привыкнете. *(Подходят к Коллеоне.)*

Коллеоне *(учтиво кланяется)*. Большая честь для старика, дочь моя.

Синьора Коллини. Не преувеличивайте, ваша светлость. Хочу вам представить свежеиспеченного профессора.

Коллеоне *(старчески покивав)*. Очень приятно. *(Подает руку.)*

Моресини с готовностью целует перстень.

Альберто. Весьма признателен.

Коллеоне *(заглядевшись на синьору Коллини)*. Продолжайте в том же духе, дорогой. Я много о вас наслышан. *Приближается Вольпини, смиренно улыбаясь, кланяется синьоре Коллини, подходит к Моресини.*

Вольпини. Моресини, друг мой! Поздравляю! Это нужно как следует отметить... Как ты себя чувствуешь в новом звании?

Альберто *(искренне)*. Еще не опомнился.

Синьора Коллини. Скромность вам не к лицу, профессор.

Коллеоне *(с притворным добродушием)*. Скромность – добродетель титанов, дорогая! А теперь я на минутку вас покину... *(Подходит к Орсини и Коллини.)*

Синьора Коллини. Как вам нравится вино?

Альберто *(учтиво)*. Оно великолепно.

Синьора Коллини. Если хотите попробовать действительно великолепного вина, зайдите как-нибудь к нам... Мы будем рады. *(Отходит.)*

Вольпини *(ободряюще подталкивает Моресини локтем в бок).* Ты произвел впечатление, Альберто. Молодцом, сынок! Ты близок к благодатному источнику...

Входит п а д р е К а р л о. Бурно обнимает Моресини.

Карло. Поздравляю, Тино!

Альберто *(счастливый, сияющий).* Спасибо, Карло! Но у тебя нет чаши...

Карло. Пустяки. *(Жестом подзывает одного из юношей в сутанах. Тот быстро подходит с подносом. Карло берет чашу, Вольпини и Моресини ставят на поднос пустые чаши, берут новые. Карло от души чокается с ними.)*

Карло. Ваше здоровье! *(Пьет.)* Такого вина тебе не скоро удастся попробовать.

Вольпини *(с оттенком зависти).* Ошибаешься, дорогой. Он приглашен в дом Коллини.

Карло с удивлением смотрит на Моресини. Неуверенным шагом приближается подвыпивший нищенствующий монах И п п о л и т. Столкнувшись с юношей в сутане, с шумом отлетает в сторону. Все на него оглядываются.

Монах *(пьяным голосом).* Я хотел чокнуться с вами... Да где же тут хоть капля вина?!

Вольпини. Уйди, брат Ипполит.

Орсини *(энергичным жестом подзывает двух юношей).* Уведите этого человека. *(Юноши мгновенно выволакивают монаха.)* Прошу прощения, господа. Мне чрезвычайно неприятно. Больше это не повторится, заверяю вас.

Свет гаснет.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Кухня в доме Моресини. У накрытого стола сидит нищенствующий монах И п п о л и т и с аппетитом ест. Стоящая поодаль Ч е з а р и н а, как всякая добрая хозяйка, удовлетворенно на него поглядывает. В углу, с бокалом в руке, расположился Д о н а т о.

Чезарина. Нравится вам, падре?

Монах *(с полным ртом).* Ты великолепная кухарка, Чезарина.

Чезарина *(польщена).* Правда, падре?

Монах. Еда отменная. Всевышний оплатит тебе сторицей.

В кухню быстро входит подвыпивший А л ь б е р т о. Молча схватив монаха за шиворот сутаны, одним махом выволакивает его из-за стола.

Альберто *(тащит монаха к двери).* Вон!

Монах *(испуганно).* Что это значит?!

Альберто. Ты еще не понял? *(Вышвыривает монаха за дверь.)*

Чезарина *(опомнившись).* Вы с ума сошли?!

Альберто *(тяжело опустившись на стул).* Если ты не можешь без него обойтись, изволь – путь свободен!

Монах *(с оскорбленным видом возвращается).* Этого ты не должен был делать, Моресини. Не должен! Ты еще пожалеешь!

Альберто *(встает).* Тебе еще мало, облезлая крыса?!

Монах быстро уходит.

Зачем ты пустила сюда эту крысу? Я же сто раз повторял: чтобы духу их здесь не было!

Чезарина (*быстро перекрестившись*). Да ведь это слуга божий!

Альберто (*упрямо*). Слуга божий! Детина, который мог бы камни тесать, кланчит милостыню!

Чезарина (*поправляет*). Собирает пожертвования.

Альберто. Я дал тебе денег?

Чезарина. Дали.

Альберто. Так зачем, черт возьми, ты пускаешь его в дом? Отчего не сунешь пару монет у порога? Дала – и пускай катится.

Чезарина. Дженнаро вы говорили другое.

Альберто. Что я ему говорил?

Чезарина. Чтобы впускал каждого.

Альберто. Больных, Чезарина. Только больных.

Чезарина (*ворчливо*). Откуда мне знать, кто больной – кто здоровый? На лбу у них не написано.

Альберто. Чаще всего написано... А теперь иди.

Чезарина уходит.

Дonato (*выйдя из своего угла*). Тебе не кажется, что ты перегибаешь палку, Альберто?

Альберто. Донато? Откуда ты взялся? Здорово!

Дonato. Пришел, чтобы услышать человеческое слово.

Альберто. Тоже мне порядочки! Моя друзья забились в угол, а за столом набивают брюхо всякие ничтожества! Я этой Чезарине задам! (*Берет из рук Донато бокал, принохивается. С отвержением выливает остатки вина.*) Свинство! Садись-ка за стол. (*Кричит.*) Чезарина!

Чезарина (*входит*). Чего изволите?

Альберто. Где ты, скажи на милость, взяла эти помой?

Чезарина виновато пожимает плечами.

Принеси порядочного вина!

Чезарина. Сейчас, синьор. (*Уходит.*)

Альберто. Мне так тебя не хватало! Почему тебя не было у Орсини?

Дonato (*неохотно*). Меня не пригласили...

Альберто. Недоразумение!

Дonato. Не думаю. Это не впервые... В последнее время меня не замечают.

Альберто. Не будь смешным. Ведь не прошло и года, как ты закончил ему витраж в актовом зале!

Дonato (*хмуро*). Вот именно. Кому-то я наступил на мозоль...

Альберто. Орсини? (*Дonato отрицательно вертит головой.*) Коллеоне? (*Дonato снова вертит головой.*) Тогда кому же?

Дonato. Откуда мне знать?

Чезарина (*приносит вино, наливает его в чистые бокалы*). Пожалуйста. Еще чего-нибудь?

Альберто. Можешь идти, Чезарина.

Чезарина уходит.

Твое здоровье! (*Чокаются.*) Там был и Коллини. С женой. Этот тип так и звенит монетами. Ты бы только посмотрел, как все вокруг него суетились!

Дonato (*хмуро*). Кто?

Альберто. Все.

Донато. И ты?

Альберто. Я – нет.

Донато. А жаль.

Альберто. Полагаешь?

Донато, задумавшись, кивает.

Орсини нас познакомил. И жене его меня представил.

Донато (*иронически*). Значит, все-таки...

Альберто. Холодная, слишком много у нее золота.

Донато. У них его больше, чем у меня глины.

Альберто. И она была там... (*Поколебавшись.*) Феличита.

Донато. Да ну?! Вот дела! Феличита?

Альберто (*кивнув*). Наша подружка... Мурлыкала у ног Вольпини, как котенок. (*С отворачиванием.*) Зрелище для богов... Можешь себе представить нашу Феличиту среди этих старцев?

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кабинет Моресини.

В дверях сумятица. Дженнаро и Синьора Коллини вносят бесчувственную Бьянку.

Синьора Коллини. Доктор, скорее!

Альберто (*мгновенно отрезвев*). Что случилось?

Дженнаро. Кажется, перерезаны вены.

Альберто (*решительно*). Сюда! Дженнаро, инструменты! Остальным покинуть помещение.

Синьора Коллини. Я ее мать.

Альберто (*уже начав работать*). Всем выйти. К сожалению, это относится и к вам. (*Перевязывает Бьянку.*)

Дженнаро, нашатырный спирт.

Синьора Коллини вынуждена покинуть кабинет.

Бьянка (*пробуждаясь об обморока*). Где я?

Альберто. Я доктор.

Бьянка. Голова кружится...

Альберто. Через минуту все будет в порядке. Чем это вы?

Бьянка (*через силу*). Осколком... зеркала.

Альберто. Почему?

Бьянка (*слабым движением откидывает с лица вуаль*). Теперь понимаете?

Альберто (*спокойно рассматривает ее лицо*). Оставьте нас, Дженнаро.

Дженнаро быстро уходит.

Бьянка. У меня не было больше сил воевать с собственным носом. (*Невесело.*) Это был неравный бой... (*С еле заметной ноткой упрёка.*) Зачем вы вмешались в нашу борьбу?

Альберто. Я врач.

Бьянка. Тогда помогите мне!

Альберто. Боюсь, это не в моих силах. Я лечу больных.

Бьянка (*страстно*). А это?! Разве это не болезнь?!

Альберто (*неуверенно*). Не знаю... У вас что-нибудь болит?

Бьянка. Попробуйте жить с такой метой на лице! Вставать и ложиться с отвращением к самой себе, жить с этим целые дни! В нашем доме не осталось ни одного зеркала. Я разбила... Все.

Альберто. Что тогда говорить слепым или калекам, которым не на что положиться, как только на помощь и милосердие других?

Бьянка (*страстно*). Лучше быть слепой, чем терпеть такие муки!

Альберто. Бог одарил вас здоровым телом, зрением, слухом, разумом.

Бьянка (*перебивает*). Вы должны мне помочь! Я больше не могу так жить!

Альберто. Это не в моих силах.

Бьянка. Мой отец богат, а вы – врач. Он заплатит, сколько захотите. Вы – моя последняя надежда. Быть может, это перст судьбы, что я попала именно к вам. Вы Моресини, правда? По городу ходят легенды о вашем искусстве. Вы столько раз возвращали здоровье безнадежно больным!

Альберто (*поправляет*). Я их вылечил. Возвращает здоровье только Господь.

Бьянка. Он вам поможет. Наверняка поможет. Стоит только начать. Все в ваших руках, доктор.

Альберто. Не переоценивайте меня.

Бьянка. Ради всевышнего, не отказывайтесь! Я больна. Больше, чем вы можете себе представить. Если вы откажетесь, я сойду с ума. Все мои ровесницы давно замужем. У них дети... А меня с четырнадцати лет никто не видел без вуали. Даже слуги. Почему я не могу наслаждаться жизнью, как все? Почему должна ненавидеть родителей, подозревать их в грехе, за который бог покарал их моим несчастьем?! Почему я не имею права на любовь? Не могу иметь детей?!

Альберто (*спокойно*). Вы можете иметь детей.

Бьянка (*протестуя*). Без любви?

Альберто. Наберитесь терпения, ждите. Ждите того, кто сумеет оценивать ваши достоинства...

Бьянка (*перебивает*). Мне не нужны утешения. Они утомляют. Я знаю все наизусть: нравственная красота, незапятнанность души, глубина сердца! Доктор, меня от них тошнит. Я погибаю. Если вы, и правда, ничего не сделаете, дайте хоть... маленький флакончик.

Альберто (*испуганно*). Вы с ума сошли?! Требовать от доктора...

Бьянка (*заканчивает*). ... искупления.

Альберто. Смерть – искупление слабых духом. Сильные должны жить. Даже ценой страданий.

Бьянка (*агрессивно*). Вы не доктор. Вы проповедник. (*Кладет на стол кошелек с деньгами.*) Ваше искусство – легенда. Всего лишь легенда! (*Идет к двери.*)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Кухня в доме Моресини.

Альберто. Дженнаро!

Входит Дженнаро.

Дженнаро. Слушаю, доктор.

Альберто. Видишь этот кошелек, Дженнаро?

Дженнаро. Вижу, маэстро.

Альберто. Довольно уж этих «маэстро»! развяжи.

Дженнаро (*развязывает кошелек*). Слушаюсь, маэстро.

Альберто. Высыпь содержимое и раздели на три части.

Дженнаро (*проворно делит деньги*). Слушаюсь, маэстро.

Альберто. Одну часть отдай матери, другую возьми себе.

Дженнаро. А вы?

Альберто. Третью часть отложи на книги. И беги! (*Моем руки.*) Ну, выползай, Донато, до каких пор ты будешь прятаться?

Донато (*подает Моресини полотенце*). Думаешь, она меня узнала?

Альберто. Кто?

Донато. Синьора Коллини.

Альберто. Ей было не до тебя. Девушка могла погибнуть.

Донато. В вашем ремесле есть какое-то колдовство. Случается, и сильные мира сего вам по колено...

Альберто (*сухо*). Лишь когда мы им нужны. Ты слышал, что говорила девочка?

Донато. Мне бы ее заботы! У этих Коллини денег куры не клюют, могут купить ей самого красивого жениха во всей Италии... Будешь оперировать?

Альберто. Делать мне больше нечего, как возиться с ее носом!

Донато (*выпив вина*). Пускай старик Коллини раскошелится, и я нарисую ее для семейной галереи с таким носом, что сама дева Мария ей позавидует!

Альберто (*смеется*). Я им предложу... (*Дружески взяв Донато за локоть, ведет его к двери*). Ладно, ладно, иди, мне еще надо поработать...

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кабинет Вольпини.

На первый взгляд строгое, в действительности же, комфортабельно обставленное помещение. На видном месте – распытие. Явно дорогостоящее произведение хорошего мастера. В о л ь п и н и, одетый с большим вкусом. Рядом с ним М о р е с и н и выглядит плебеем.

Вольпини (*подливает в чашу*). Мое вино не может сравниться с вином досточтимого брата Орсини... Но пить можно, это год удачного урожая.

Альберто. Мне по вкусу. Я предпочитаю более кислые вина.

Вольпини (*довольный*). Правда? Пошлю тебе бочонок...

Альберто. Я не для этого хвалил вино.

Вольпини (*дружески*). Выпьешь за мое здоровье, дорогой... (*С улыбкой.*) Как нальешь – вспомни меня...

Альберто (*задумчиво принохивается к вину*). Могу ли я кое о чем вас просить?

Вольпини. Разумеется, дорогой. Ты – всегда можешь.

Альберто. Мой друг Донато Капелли... скульптор...

Вольпини (*сдержанно*). Ах, этот! И что же с ним?

Альберто. В последнее время его никуда не приглашают... Он не может понять...

Вольпини. Пусть хорошенько подумает.

Альберто. Не понимаю...

Вольпини. Ему не хватает скромности. *(С наслаждением потягивает вино.)* Выдающийся скульптор, это верно, но слава испортила его. Много себе позволяет...

Альберто. Я знаю его не один год, но никогда не замечал, чтобы...

Вольпини. Другие заметили. Выпьешь еще?

Альберто. С удовольствием. Но все же Донато... Ваши слова не идут у меня из головы.

Вольпини. Слишком много о себе воображает. Но я позвал тебя для другого. Дочь Коллини Бьянка...

Альберто. Знаю. Я недавно оказал ей помощь. Через два-три дня ничего не будет заметно.

Вольпини. Будет.

Альберто *(пораженный, смотрит на Вольпини).* Как это? Я врач, мне лучше знать...

Вольпини. Запаять, пожалуй, и заживут. Однако девчонка никак не может примириться со своей... Как бы это сказать... внешностью... Надо что-то сделать. Безотлагательно...

Альберто *(сдержанно).* Думаете?

Вольпини. Если она повторит, все может кончиться хуже.

Альберто. Трудно дать добрый совет...

Вольпини. Ей не нужен совет. Нужна помощь.

Альберто. Какая?

Вольпини. Они решились на операцию. *(Выжидающе умолкает.)*

Альберто. Что же им препятствует?

Вольпини. Необходим первоклассный доктор.

Альберто. В городе несколько первоклассных докторов.

Вольпини. Они остановились на тебе. Ты не рад?

Альберто. Для меня это великая честь...

Вольпини *(указательным и большим пальцами делает жест, означающий «деньги»).* Я тоже так думаю. Да и кое в чем другом они могут быть полезны. Его корабли бороздят все моря. Он многое может. Например, достать специальные инструменты, медикаменты... Другим такое и не снилось! И вообще... почтенного Синьора Коллини нужно освободить от лишних забот. И, в конце концов, для девочки это так много значит! Отчего им не помочь? Коллини отзывчив и великодушен. Он бы сумел оценить услугу.

Альберто. Таких операций я никогда не делал. Понятия не имею, как за это взяться. А потом... сказать по правде, с точки зрения медицины это вообще не интересно. Я уже давно занимаюсь только внутренними органами. Возникнет риск...

Вольпини *(дружески).* У тебя золотые руки, дорогой. Кому и рисковать, как не тебе? *(Встает, приносит что-то завернутое в холстину. По размерам похоже на большую картину. Держит перед Моресини.)* Маленький подарок... *(Подает удивленному Моресини.)*

Альберто. Мне?

Вольпини. Кому же еще?

Моресини *(не зная, что делать с подарком).* Но я...

Вольпини. Я пришлю его тебе. Тут рядом, в моем салоне, тебя ожидают супруги Коллини. Иди.

Моресини беспомощно ставит картину к стене и идет за Вольпини.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Спальня Моресини.

Чезарина (*робко входит*). Вас спрашивает Донато, доктор.

Альберто (*сонно*). Не могла бы ты послать его ко всем чертям?

Чезарина. Он что-то принес.

Альберто. Вставай, дорогая.

Феличита (*сев в постели*). Еще минутку...

Альберто. Одевайся. (*Уже начал одеваться.*) Сумел выбрать момент! (*Чезарине.*) Пусть войдет.

Чезарина (*презрительно глянув на Феличиту*). Хорошо, синьор.

Феличита (*неохотно одевается*). Не дадут покоя...

Альберто (*ополаскивая лицо*). Такова жизнь, Феличита.

Донато (*входит, неся бюст*). Доброе утро. Надеюсь, не помешал?

Альберто (*кивнув в сторону Феличиты*). Что ты!

Донато (*дружески*). Доброго здоровья, Феличе!

Феличита. Привет, скульптор. Что это ты притащил?

Альберто. Поставь сюда. Или лучше сюда, здесь больше света.

Донато (*осторожно снимает мокрую тряпку*). Ну, что скажешь?

Альберто. Чудесно.

Феличита (*заглядывая через плечо Альберто*). Вот бы не подумала...

Альберто. У тебя золотые руки, приятель. Хорошая работа. Можно потрогать?

Донато. Только не испортить!

Альберто (*осторожно ощупывает нос*). Занятный бугорок. Это не хрящ. Это уже кость. Послушай, ты когда-нибудь занимался резьбой по кости?

Донато. Редко. Как-то вырезал шкатулку. Для драгоценностей.

Альберто. Чем резал?

Донато. Долотами, пилкой и свёрлами.

Альберто (*взволнованно*). Как устранял неровности?

Донато. Шлифовкой, а что?

Альберто. Чем шлифовал?

Донато. Напильниками. Сперва поглубже, потом – самыми тонкими. Иной раз – обломком стекла. (*Вдруг сообразив.*) Ты хочешь... (*Удивленно смотрит на Альберто.*) Ты бы...

Альберто (*перебив*). Да. Хочу. Ведь этот бугорок всего лишь отросток на кости. (*Взволнованно ходит по кабинету.*) Обыкновенная косточка, к тому же еще и мягче слоновой. Как считаешь, эти напильники выдержат кипячение?

Донато. Что за чушь – кипятить напильники?

Альберто (*настойчиво*). Выдержат?! Как по-твоему, Донато, выдержат?

Донато. Пожалуй – да.

Альберто. Не утратят твердость? Не затупятся? Они должны быть острыми. Как можно острее. Мне необходимо попробовать. Пошлю с тобой Дженнаро. Дашь ему один поглубже и один потоньше.

Донато. Мне они нужны для работы.

Альберто. И мне. Где ты их достнешь?

Донато. Их делает один кузнец в Модене.

Альберто. Садись на коня и поезжай к нему. Я дам тебе денег. Пусть сделает самые тонкие, на какие способен. *(Смеется.)* Нет, еще тоньше!

Феличита. Спокойней, Альберто, не спеши!

Альберто. А ты не вмешивайся.

Феличита. Швыряешься деньгами, Альберто.

Альберто. Своими. Только своими.

Дonato. В мастерской меня ожидает натурщица. Я леплю мадонну с младенцем.

Альберто. Отправь свою натурщицу домой.

Дonato. Не могу.

Альберто. Подождет.

Дonato. Я должен закончить. Послезавтра явится секретарь, а возможно, и сам архиепископ. Он хочет видеть...

Альберто *(перебивает)*. И архиепископ подождет.

Дonato. Он не станет ждать. Это мой кормилец. Если я потеряю его заказы – мне останется только пасти овец.

Феличита *(презрительно)*. Жрешь из его рук, как собака. Ведь это унижительно!

Дonato. Что поделаешь, Феличита. Я должен.

Альберто. Ты – нет, Донато. Ты не должен.

Дonato. Пойми, Альберто, это архиепископ!

Альберто. А ты скульптор.

Дonato. Всего лишь скульптор. Зависящий от его заказов, от его капризов. Стоит ему шевельнуть мизинцем – и я нищий.

Альберто. Ты художник, Донато. А они?! Твои статуи будут стоять и через сотню лет, а что останется после него? Ну, что? Два-три внебрачных ребенка да пышный памятник. И тот – если ему посчастливится найти такого скульптора, как ты. А не найдет – ничего не останется! Совсем ничего! Через сотню лет никто даже не вспомнит, что он был на свете.

Дonato. После него останутся молитвы.

Альберто. Люди молятся уже шестнадцать веков, а что от этого осталось?

Дonato. Остались храмы.

Альберто. Но строили их не они, а такие как ты.

Дonato *(с опаской оглядывается по сторонам)*. Ради Бога, Альберто, не кричи. Кто-нибудь может услышать.

Альберто. Я говорю правду. Ты и сам это знаешь... Съездишь в Модену.

Дonato *(отступая к дверям)*. Съезжу... Только, ради Бога, не кричи. Завтра поеду.

Альберто. Нет. Сегодня. *(Зовет.)* Дженнаро!

Д ж е н н а р о *(входит)*. Вы меня звали, доктор?

Альберто. Пойдешь с Донато и кое-что принесешь.

Дженнаро. Ноша большая?

Альберто. Мелочь. *(Подает Донато руку.)* Не забудь, Донато. Сегодня же!

Дonato. Можешь не беспокоиться. Прощайте.

Дonato и Дженнаро уходят.

Альберто *(в задумчивости ходит из угла в угол. Кричит)*. Чезарина! *(Нетерпеливо подходит к двери, открывает ее.)* Чезарина!

Чезарина *(входит)*. Что-нибудь горит?

Альберто. Еще не горит, но будет гореть! Подбрось дров и поставь воду. Когда закипит – позови. (*Берет книгу, листает.*)

Чезарина. Много?

Альберто (*отсутствующим тоном*). Чего?

Чезарина. Воды.

Альберто. Много. В корчаге для кипячения инструментов.

Чезарина. Вы кипятили утром.

Альберто. То было утром, Чезарина. Иди и делай, что говорят.

Картина шестая

В кабинете Моресини.

А л ь б е р т о (*протягивая Д ж е н н а р о напильники*). Брось их в воду. Сначала погляди, кипит ли она. И не ошпарься.

Дженнарро с напильниками уходит. Вскоре возвращается.

Подложил дров?

Д ж е н н а р о. Подложил. И матери наказал, чтобы еще подкладывала.

Альберто. Будешь мне ассистировать?

Дженнарро. Буду.

Альберто. А хочешь?

Дженнарро. Конечно!

Альберто. Я не могу тебя заставить. Ты сам должен все взвесить. Будет нелегко.

Дженнарро. Знаю, доктор.

Альберто... О ч е н ь н е л е г к о.

Дженнарро. Первым никогда не бывает легко.

Альберто. Ты смог бы ампутировать палец?

Дженнарро. Смогу.

Альберто. А ногу?

Дженнарро. Сам?

Альберто. Вместе со мной.

Дженнарро. Смогу.

Альберто (*испытующе на него смотрит*). А нос?

Дженнарро (*от души смеется*). Нос?!

Альберто (*очень серьезно*). Да.

Дженнарро (*тоже серьезно*). С вами смогу.

Альберто. Это не так просто. И уж во всяком случае, не смешно.

Дженнарро. Простите, доктор. Мне показалось как-то чудно... Ампутировать нос!

Альберто. Оперировать. До нас никто этого не делал.

Дженнарро. Может, и делал, да мы не знаем.

Альберто (*с интересом разглядывает парнишку*). Ты умнее, чем я полагал. Верно, может, кто-нибудь и делал... И возможно, удачно, только мы не знаем. (*Ходит по кабинету.*) Хотя бы какое-нибудь упоминание о способе, о результатах...

Дженнаро. А братья Бранко?

Альберто. Те делали опыты реконструкции носа... Его кончика. Это совсем не то. Здесь нам придется иметь дело с костью.

Дженнаро (*взволнованно*). Будем оперировать?

Альберто. Не знаю. Я боюсь.

Дженнаро. Вы?!! Бойтесь?!

Альберто. Наши знания... Боже мой, отчего наши знания так убоги? Это страшный риск, Дженнаро. В глабелле такое сложное сплетение нервов!

Дженнаро (*с интересом*). Вы сумеете. Я буду помогать изо всех сил!

Альберто. Мне не хватает смелости.

Дженнаро. Кто-то должен быть первым! Всегда кто-то должен быть п е р в ы м. Вы учили меня, что еще в древнем Египте делали трепанацию черепа.

Альберто. Трепанацию делали, это точно, но неизвестно, с какими результатами.

Дженнаро. Но пытались же! Два тысячелетия назад, доктор! Разве это не удивительно?

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Кабинет Моресини.

На просцениуме, на простой скамье, обхватив голову руками, сидит Коллини. Синьора Коллини нервными шагами меряет «приемную».

Одновременно в глубине сцены мы видим Альберто и Дженнаро. Перед ними на столе лежит Бьянка. По обе стороны стола – ширмы довольно простой конструкции. Они ослепительно, стерильно белы и освещены резким белым светом, направленным на них с обеих сторон, так что Альберто и Дженнаро почти скрыты в полутьме.

Синьора Коллини. Что они могут так долго делать?

Коллини не отвечает.

(С тоской.) Это длится вечность.

Коллини (*успокаивает ее, но сам напряжен*). Скоро кончится.

Синьора Коллини (*с опаской*). Думаешь, может что-нибудь...

Коллини (*неопределенно*). Всегда может что-нибудь случиться. Теперь все...

Синьора Коллини. Да, да. Все теперь в руках Божьих, Господь нас не покинет.

Коллини (*сухо*). Я бы больше надеялся на руки Моресини.

Синьора Коллини (*перекрестившись*). И здесь ты не можешь не богохульствовать! Если операция пройдет благополучно, я прикажу выстроить над Рено часовенку.

Коллини. Зря стараешься, Господь взяток не берет. Лучше помолись...

Синьора Коллини. Чтобы тебе обошлось дешевле, да? Даже ради здоровья собственного ребенка ты не потратишься!

Коллини (*перебивает, деловым тоном*). Потрачусь. Только там, где надо. Финансовые вопросы предоставь мне.

Синьора Коллини (*опустившись на колени*). Всемогущий Боже... Сделай, чтобы операция прошла благополучно... Дай моей маленькой бедной Бьянке силы, чтобы выдержать эту боль... Ведь она единственное мое дитя, ты слышишь меня, милостивый Боже? Единственное... Просвети доктора, который взял на себя тяжкую задачу, дай ему сил... Прости нам наши прегрешения и не допусти, чтобы за них страдало невинное дитя... (*Встает и устало присаживается на скамью рядом с мужем. Смотрит в одну точку.*) Молишься?

Коллини. Молюсь. Что еще остается делать?

Свет на заднем плане неожиданно гаснет. Подходит обессиленный Моресини, устало опускается на скамью рядом с супругами Коллини.

Синьора Коллини (*напряженно*). Д о к т о р?

Альберто (*с удивлением смотрит на них, словно раньше не замечал их присутствия*). Я сделал все, что было в моих силах.

Коллини (*с опаской*). И?..

Альберто (*еще не может сосредоточиться*). Будущее покажет.

Коллини. Думаете, все будет в порядке?

Альберто. Убежден. Иначе я не взялся бы делать операцию.

Синьора Коллини, не сводившая с Моресини напряженного взгляда, вдруг берет его руку и покорно, преданно целует.

Альберто (*почувствовав неловкость, отнимает руку*). Не надо. Я знаю, ч т о вы пережили.

Коллини. Я мог бы что-нибудь для вас сделать?

Моресини устало отрицательно качает головой.

Синьора Коллини (*нетерпеливо*). Можно ее увидеть?

Альберто. Она спит.

Синьора Коллини (*умоляюще*). Хоть на секундочку...

Альберто (*встает*). Только, и правда, всего на секунду.

Супруги идут за Моресини.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Комната в доме Моресини.

Входит С т е ф а н о В о л ь п и н и. Быстро обежав комнату взглядом, убеждается, что они с А л ь б е р т о одни.

Вольпини. Благослови Господь тебя и твой дом, сын мой. Приветствую, доктор. От души приветствую.

Альберто. Вы уже знаете?

Вольпини. Тут ничего не утаишь, сын мой.

Альберто. Чему обязан счастьем видеть столь высокого гостя, святой отец?

Вольпини (*уклончиво*). Да вот... шел мимо и говорю себе... (*Беспомощно умолкает.*)

Альберто. Слушаю вас. Вы пришли как пациент?

Вольпини (*в затруднительном положении*). Пожалуй, да. Но прежде всего как друг.

Альберто. Очень рад. Чем могу служить?

Вольпини (*подозрительно оглядывается по сторонам*). Мы тут одни?

Альберто. Можете не сомневаться, святой отец.

Вольпини. Церковь блюдет тайну исповеди. (*Умолкает.*) Полагаю, что и доктора блюдут врачебную тайну...

Альберто. Разумеется. Не могли бы мы перейти к делу?

Вольпини. Я особа духовная... мне нелегко... Понимаешь?

Альберто. Нет.

Вольпини. Видишь ли, духовные особы тоже... То есть я хочу сказать, что, помимо своей духовной миссии, я еще и мужчина.

Альберто (*с еле заметной насмешкой*). Это видно с первого взгляда. Вас никак не примешь за монашку...

Вольпини (*не знает, что ответить*). Благодарю тебя, сын мой.

Альберто. Пока еще не за что.

Вольпини. Я очень долго не решался... Можем мы говорить, как м у ж ч и н а с м у ж ч и н о й?

Альберто. Смелее, святой отец.

Вольпини. Не знаю, с чего начать... (*С притворным добродушием.*) И оставь уж в покое этого «святого отца»!

Альберто молча смотрит на него в упор. Вольпини долго молчит.

Я все взвешивал... к кому обратиться... В городе много докторов... не говоря уж о фельдшерах...

Альберто (*с тонкой иронией*). Благодарю за доверие, святой отец.

Вольпини (*потеряв терпение*). Почему бы тебе хоть капельку мне не помочь?

Альберто. С радостью, но вы все еще не сказали, что вас беспокоит, святой отец.

Вольпини (*подозрительно*). Ты нарочно представляешься непонимающим! Я ведь намекнул, что мы должны говорить как мужчина с женщиной.

Альберто (*с наигранным участием*). У вас убывают силы, святой отец?

Вольпини (*резко протестует*). Еще чего! Как раз наоборот! Сил у меня сколько угодно! (*По-мужски интимно.*) И есть кому их отдавать. Моресини, сын мой, у меня не девушка – мечта! (*Восторженно.*) Так везет лишь однажды в жизни и то не каждому... (*Предаётся воспоминаниям.*) Если бы ты видел ее грудь! Это не грудь, это два холма... вздымающихся, как... (*Не может подобрать сравнение.*) как... Нет, словами этого не передать! (*Мечтательно.*) А все остальное!..

Альберто (*сухо*). Тогда все в наилучшем порядке. Не понимаю только, к чему вам моя помощь?

Вольпини. Не стану хвастать... Она вполне довольна, однако... я... Не знаю, как бы тебе... Ну, хотелось бы получить от этого сокровища больше радости.

Альберто (*нарочно притворяясь непонимающим*). Я вас как-то все еще не могу понять, святой отец.

Вольпини (*нетерпеливым жестом подзывает Альберто и что-то шепчет ему на ухо. Альберто некоторое время с серьезным видом слушает*). Теперь понял?

Альберто (*отступив на шаг*). Правда?..

Вольпини. В том-то и дело.

Альберто. Только я не знаю, как вам помочь, святой отец.

Вольпини (*поколебавшись*). Я слышал, это оперируют.

Альберто. Предположим, да. Трудность заключается в том, что я такой операции никогда не делал.

Вольпини (*с надеждой*). Но ты же великолепный хирург! Крупный ученый! В конце концов, потому я к тебе и обратился!

Альберто. Повторяю, святой отец, такой операции я никогда не делал. Неужели вы рискнете – б ы т ь п е р в ы м?

Вольпини (*уныло*). Разве у меня есть другой выход?

Альберто. Думаю, есть.

Вольпини (*с надеждой*). Как о й?

Альберто. Обратиться к раввину. У них в этом деле колоссальная практика.

Вольпини (*оскорбленный*). Сколько я вам должен, Моресини?

Альберто. Нисколько. Я дал вам всего навсего д р у ж е с к и й с о в е т, святой отец.

Вольпини. Служба за службу. Благодарю тебя, сын мой. (*Уходит.*)

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Спальня Моресини.

Ночь. А л ь б е р т о, понурый, сидит у стола, склонив голову на ладони. Ч е з а р и н а в халате поверх ночной рубахи, шаркая, сонно бродит по кабинету, накрывает на стол.

Чезарина. Нормальные люди так не поступают. Ну где это видано, на ночь глядя звать гостей? (*Неохотно покрывает стол скатертью.*) Погнать ребенка на улицу...

Альберто. Смотри, Чезарина, как бы я и тебя не выгнал... Навсегда.

Чезарина. С вас станет! Да только интересно знать, кто захочет сносить ваши причуды! Эта потаскушка?

Альберто (*уныло*). Знаешь ведь, что она не потаскушка.

Чезарина. Да что вы!

Альберто. Не испытывай моего терпения!

Чезарина. Терпения? Ведете себя как малое дитя. Нечего сказать, порадовали бы вы падре Карло!

Альберто. Делай, что приказано.

Чезарина. Столько церемоний ради обыкновенной...

Со стуком разлетаются створки дверей – появляется Ф е л и ч и т а. Ее красота – сама стихия. Вошла – точно разразилось землетрясение. Свежая, сияющая, без малейшего признака сонливости.

Альберто. Феличе! (*Бурные объятия.*)

Чезарина возмущенная уходит.

Феличита. Ты вспомнил свою Феличиту? Вспомнил?!

Альберто вlepляет ей могучую затрецину.

Феличита (*спокойно констатирует*). Вольпини.

Альберто. Правильно. (*Вlepляет ей вторую затрецину.*)

Феличита. Я должна была прийти сама. Не ждать, когда позовешь.

Альберто. С тех пор, как ты вращаешься в высших сферах, тебе некогда!

Феличита. Зато у тебя сколько угодно времени. Резать носики высокопоставленным девицам! Тино, ты зря теряешь время. Свое драгоценное время. Что ты от этого ожидаешь?

Альберто. Я позвал тебя не для того, чтобы выслушивать советы. Разума у меня хватает. Вот денег маловато...

Феличита. Глупец! Говоришь, как последний глупец, я тебя не узнаю.

Альберто. Ты затем и явилась, чтобы назвать меня глупцом?

Феличита. Нет! Я пришла сказать, что ты грубиян!

Альберто. Не стоило труда.

Феличита. А ты зря посылал за мной Дженнаро. (*Садится на край постели.*)

Альберто. Ты права.

Феличита. Клянусь тебе, Тино...

Альберто. Не клянись. Надо бы отлупить тебя до полусмерти... Ты одна знаешь, когда ты мне действительно необходима. И приходишь. Выпей... (*Наливает.*) Я смирился с тем, что ты торгуешь собой.

Феличита (*слабо защищается*). Тино...

Альберто (*не позволяет себя перебить*). Да, да. Торгуешь. Не станешь же ты уверять, что влюбилась в эту черную сутану! Он засыпал тебя подарками... Да что ему – трудно, что ли? Возможно, он тебя и любит. Но мне ты необходима.

Феличита. Если бы это было так, мы бы тут не философствовали.

Альберто (*схватив Феличиту, швыряет ее в постель. Бросается на нее*). Потаскушка!

Феличита (*соскочив с постели*). А ты кто? Угодливый карьерист, способный на все.

Альберто (*тоже вскакивает*). С каких пор девки проповедуют мораль?

Феличита (*бросается на него с кулаками*). Шарлатан!

Альберто (*уныло*). Ты права, Феличита... Я... (*Свесив голову, устало садится.*)

Феличита (*осторожно приблизившись, тоже садится*). Тино, я не хотела...

Альберто. Ничего, Феличита, ничего... (*Смотрит в пол.*)

Феличита (*как малому ребенку*). Ты лучше всех! (*Альберто отрицательно качает головой.*) Успокойся, милый... Может, ты и прав. Отчего не жить, как другие?

Альберто. Прописывать сиропы и ставить клистиры?

Феличита. Взгляни на своих коллег. Скопили на этом неплохие капиталы. Самое время жить, как другие. В конце концов Коллини...

Альберто. Ничего ты не поняла. Тут дело не в деньгах. Я работаю в условиях каменного века, а Коллини может достать мне инструменты, о которых мне и не снилось...

Феличита. Ты прав, Тино...

Альберто. Я знаю, говоришь одно, а думаешь совсем другое.

Феличита. Вот это-то и страшно. За годы, что мы вместе, ты научился читать во мне, как в раскрытой книге. Ах ты, мое несчастье! (*Возвращается к постели.*) Иди же!

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Кабинет Моресини.

Входит Бьянка.

Альберто (*нетерпеливо*). Подойди сюда. Садись. Дженнаро, свет! Больше света! (*Дженнаро зажигает светильники.*)

Дженнаро. У меня только две руки, маэстро.

Альберто. Принеси еще!

Дженнаро. Хорошо, маэстро. (*Зажигает новые светильники.*)

Альберто (*Бьянке*). Будет чуточку больно.

Бьянка. Я вытерплю.

Альберто. И не шевелиться!

Бьянка. Не шевельнись, доктор.

Альберто (*зовет*). Чезарина!

Чезарина (*неохотно входит*). Слушаю.

Альберто. Будешь держать ей голову. (*Показывает.*) Вот так.

Чезарина (*неохотно*). Подержу.

Альберто (*Бьянке, оправдываясь*). На всякий случай. (*Подготавливает несколько инструментов, флакончиков.*) Потерпи. (*Осторожно, ловко снимает бинты. Дженнаро.*) Ближе свет! (*Снял бинты, приблизив лицо, осматривает нос. Взволнованно.*) Дженнаро! (*Чезарина с гримасой отворачивается.*)

Дженнаро (*наклонившись, рассматривает лицо Бьянки. Пораженный, смотрит на Альберто.*) Маэстро! (*Положив светильник, начинает кружить Альберто по кабинету.*) Победа! (*Альберто не сопротивляется.*)

Бьянка (*нетерпеливо*). Зеркало! Скорее!

Альберто (*опомнившись*). Сегодня еще нет. (*Дженнаро.*) А ты прекрати, слышишь? Хочешь получить взбучку?

Дженнаро (*радостно*). С удовольствием!

Альберто. Подай мне ту зеленую баночку. И бинт. (*Дженнаро подает.*) (*Бьянке.*) Было больно? (*Обрабатывает шов.*)

Бьянка. Немножко.

Альберто (*Чезарине*). Можешь отпустить.

Бьянка (*тревожно*). Я выгляжу ужасно?

Альберто. Наоборот. (*Перевязывает.*)

Бьянка. Почему же вы не даете мне зеркало?

Альберто. Позднее.

Бьянка (*разочарованно*). Хорошо... Думаете, все в порядке?

Альберто. Да. Теперь уже – да. (*Заканчивает перевязку.*) И смотри, не пытайся заглянуть под бинты.

Бьянка. Думаете, я не вынесу такого зрелища?

Альберто. Ты-то вынесешь. А нос твой может не вынести. Seriously: никаких фокусов! Можно все испортить. Обещаешь?

Бьянка. Обещаю.

Альберто. В собственных интересах.

Бьянка. В собственных интересах.

Альберто. Сможешь встать?

Бьянка. Даже танцевать, если надо.

Альберто. Не надо. Можешь идти. И не умывайся. Чтобы как-нибудь...

Бьянка (*живо встает*). Не беспокойтесь, доктор.

Альберто провожает Бьянку. Дженнаро, тихо насвистывая, приводит в порядок кабинет.

Чезарина (*с упрёком*). Еще свистит!

Дженнаро (*радостно*). Отчего же мне не свистеть?

Чезарина. Чему вы радуетесь? Ведь она – страшилище!

Дженнаро (*поражен*). Страшилище?! погоди, через месяц увидишь – какая она будет!

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Комната в доме Моресини. Входит падре Карло.

Карло. Приветствую тебя, Тино!

Альберто (*радостно*). Здравствуй, Карлетто. (*Идет ему навстречу, обнимаются.*) Сто лет тебя не видел, дружище. Благословен тот ветер, который занес тебя сюда. (*Взволнованно.*) Садись, ты ел?

Карло (*сдержанно*). Ел.

Альберто. Не обижай меня. (*Зовет.*) Чезарина, Чезарина!

Чезарина (*входит*). К вашим услугам, синьор.

Альберто. Принеси чего-нибудь вкусенького. (*Карло.*) Вина?

Карло кивает.

Вина! Самого лучшего!

Карло. И воды.

Альберто. Кувшин свежей воды!

Чезарина. Приготовить чего-нибудь горячего?

Альберто. Потом, Чезарина. (*Карло.*) Останешься ужинать?

Карло (*уклончиво*). Я спешу.

Альберто (*категорично*). Останешься.

Карло (*неопределенно*). Обязанности, Тино...

Альберто. Подождут. (*Чезарине.*) Иди уж, иди!

Чезарина уходит.

(*Внимательно смотрит на Карло.*) Что-то тебя гнетет?

Карло. Сразу видно?

Альберто. Ремесло. Я научился читать в человеческих лицах, как в книге. Могу быть чем-нибудь полезен?

Карло (*очень серьезно*). Речь не обо мне.

Входит Чезарина с подносом, наливает вино.

Чезарина. Приятного аппетита.

Карло. Благодарю. (*Чезарина уходит.*)

(*Внимательно смотрит в лицо Альберто.*) Они идут по твоему следу, Тино.

Альберто (*не понимает*). Кто?

Карло. Псы.

Альберто (*пытаясь овладеть голосом*). Domini canes?

Карло (*кивнув*). Псы господни.

Альберто (*беспокойно берет в руки чашу*). Может, ты ошибаешься.

Карло. Рад бы, да не ошибаюсь. (*Пьет вино.*) Учужали след. Будь осторожен, Тино. В вопросах веры они не ведают жалости.

Альберто. Какое это имеет отношение ко мне?

Карло. Ты взят на подозрение.

Альберто. Не понимаю.

Карло. Они узнали о дочери Коллини.

Альберто. Я врач. Шесть лет назад меня назначили руководителем кафедры анатомии и теоретической медицины.

Карло. Медицина тут не причем. Из тебя сделают еретика.

Альберто (*возмущенно*). Доказательства!

Карло. Операция – попытка вмешаться в предначертания божьи. Ты ставишь себя выше творца.

Альберто (*вскакивает, начинает стремительно ходить по кабинету*). Мракобесы! Ретрограды!

Карло. Успокойся, Тино.

Альберто (*хватает Карло за плечи*). Ты образованный человек, Карло. Ты же знаешь, что первую реконструкцию носа осуществили еще до меня! В начале века. Братья Бранко. Они даже ездили из деревни в деревню и из города в город и исправляли носы.

Карло. Криком тут не поможешь.

Альберто. Правду я говорю? Ответь, Карло, я говорю правду?

Карло (*деловым тоном*). Кому исправляли носы эти Бранко?

Альберто. Правонарушителям, некогда осужденным на отсечение носа.

Карло. Значит, прежде у них носы были.

Альберто. Разумеется.

Карло. С точки зрения церкви, тут нет греха. Они исправляли только то, что содеяно человеческой рукой. Возвращали людям подобие, изначально дарованное им Богом. Твоя операция совсем иная. Бьянка такой родилась. С позиции церкви, ты вмешиваешься в предначертания Всевышнего.

Альберто. Придирки! Игра словами! Боже мой, до чего мы дошли! Ведь теология и медицина – совершенно разные науки! Мы в их ремесло не лезем. Не учим, как толковать слово Божье. Не запрещаем и не приказываем. Это возврат к средневековью... Как же тогда понимать реформу Сикста четвертого?

Карло. Она еще не прижилась. Ты забываешь о законе инерции. Если он существует в физике, то распространяется и на общество. И даже шире, чем в физике... Трибунала инквизиции эта реформа практически не коснулась. По-прежнему действуют все восемь категорий обвинения. Предупредив тебя, я рискую попасть в число *celatores* – третья категория! Кто знал и не донес на еретика. Если бы пришел не я к тебе, а ты ко мне – это всего лишь шестая категория – *receptatores*.

Альберто. Издевательство и позор! Клеймить людей как баранов!

Карло (*беспокойно*). Не кричи, Альберто. Кто-нибудь услышит.

Альберто. Пускай слышат! Я у себя дома!

Карло (*деловым тоном*). За последние шесть лет было двенадцать больших аутодафе.

Альберто (*потрясен*). Ничего себе! Демонстрация власти над беззащитными беднягами.

Карло. Ты прекрасно знаешь, что не все они беззащитны и не все бедняги.

Альберто. Но все неправны.

Карло. Смотри, Альберто, как бы тебе самому не стать неправным.

Альберто. Я по всем правилам избран членом Коллегии искусства и медицины. Еще в семьдесят шестом году. Тринадцать лет назад.

Карло (*трезво*). Я бы этого не переоценивал. Того и гляди, число тринадцать принесет несчастье.

Альберто. Следует ли понимать тебя в том смысле, что и личные заслуги ничего не стоят? Где же тогда иерархия ценностей? Где гарантии?

Карло. Там же, где были. И продолжают действовать.

Альберто. Вот видишь!

Карло. Они действуют. Но только когда ты в милости.

Альберто. И это означает...

Карло. Отречься от операции. Пока не поздно. У меня есть влиятельные друзья. Многие тебя уважают. Есть среди них и твои пациенты.

Альберто. Это они тебя прислали?

Карло. Я пришел сам. Боялся, что приду слишком поздно.

Альберто. Зря старался.

Карло (*настойчиво*). Тино, я твой друг.

Альберто. Знаю. И благодарю тебя.

Карло. Ты не представляешь, что тебе грозит. Ты слишком погружен в свою науку. Не имеешь понятия о реальной жизни. Щупальцы инквизиции охватили весь христианский мир.

Альберто (*энергично*). Инквизиция владеет в вопросах в е р ы. А я ученый.

Карло. Где граница между верой и наукой? Ты мог бы ее определить?

Альберто. Это нелегко. Но граница существует. А значит, определить ее можно.

Карло. Не будь наивным. Все зависит от того, к т о ее определяет.

Альберто (*возмущенно*). Утилитаризм! Насмешка над здравым смыслом! И я должен сознательно при этом ассистировать? Я?! Говорить, что вино – вовсе не вино, а сыр – не сыр?

Карло (*горько*). Примерно так.

Альберто. Значит, и ты – не ты, и я – не я! Господи, не дай мне утратить разум! Если это правда, то что мы тут делаем? Возможно ли, что мы сидим за одним столом? Под одной крышей? Скажи, Карлетто, зачем ты пришел? Ведь ты пришел к кому-то другому!

Входит обеспокоенный шумом Д ж е н н а р о.

Дженнаро. Что-нибудь случилось, доктор?

Альберто (*крайне взволнован, его затравленный взгляд останавливается на Дженнаро*). Подойди ближе, мальчик. Что в этом кувшине?

Дженнаро (*мельком заглянув в кувшин*). Вино, доктор.

Альберто. А в этом?

Дженнаро. Вода.

Альберто (*с чувством*). Правильно, дружок! А это кто?

Дженнаро. Падре Карло.

Альберто (*крайне возбужден*). Приглядиись внимательней, Дженнаро. Это правда он?

Дженнаро (*недоумевая*). Думаю, что он.

Альберто. Думаешь или знаешь?

Дженнаро. Знаю.

Альберто (*внушительно, с нажимом*). А что если это не он? Что если этот человек только похож на него?!

Дженнаро (*дезориентирован, не знает, какого ответа ожидает от него Альберто, чуть не плача*). Может, и правда, только похож.

Альберто (*словно в трансе*). Знает? Не знает! Думает! (*Между словами сбрасывает со стола кувшин, чаши, расшвыривает их вокруг*.) Вон !

Дженнаро, совсем сбитый с толку, поспешно выходит.

Альберто (*обессилев, но все еще не успокаиваясь*). Ты видел? Мой ученик! Мой ассистент... И он не знает! А ведь это так просто. (*Сгибается, чтобы поднять чашу, падает на колени.*) Боже, дай мне силы разобраться хоть в самых простых вещах! (*Подавленно.*) Разве это не ужасно?

Карло (*тоже стоя на коленях, обеими руками хватая Альберто за плечи*). Ты всего лишь платишь дань эпохе.

Альберто (*вырвавшись из рук Карло*). Так? (*Потрясенный, но уже спокойный.*) На коленях?

Карло. Покорность не всегда проявление слабости, Тино. Иногда она требует больше силы, чем ты думаешь.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Двумя месяцами позже. Комната в доме Моресини. Синьора Коллини сидит в кресле, выражая явное нетерпение. Это благородная, очень элегантно одетая, увешанная драгоценностями патрицианка.

Чезарина. Он должен вернуться с минуты на минуту. Наверное, задержался на факультете. Могу предложить вам немного фруктов?

Синьора Коллини (*сдержанно*). Не затрудняйтесь. Лучше пошлите за ним мальчика. Я жду больше часа.

Чезарина. Это строжайше запрещено. Во время занятий никто не смеет ему мешать.

Синьора Коллини. Тогда немного фруктов.

Чезарина. К вашим услугам. (*Уходит.*)

Синьора Коллини, встав, начинает нетерпеливо, бесцельно расхаживать из угла в угол. На некоторое время задерживается перед книжным шкафом.

Альберто (*входя*). Добрый день. Чему обязан...

Синьора Коллини. Я жду вас больше часа.

Альберто. Меня задержали дела.

Синьора Коллини. Я не привыкла ждать.

Альберто. Я не был извещен, что вы придете. Извините. Чему обязан?

Синьора Коллини. Я пришла уплатить за преступление.

Альберто. Как вы сказали?

Синьора Коллини. За преступление, которое совершено вами над моей дочерью.

Альберто (*непонимающе*). Преступление?!

Синьора Коллини (*вынимает из кошелька деньги*). Сколько вы берете за нанесение своим жертвам увечья?

Альберто (*возмущенно*). И это говорите вы? Мать?! Вы видели результаты операции? Взгляните. (*Взволнованный, берет синьору Коллини за руку и ведет к бюсту Бьянки. Решительным движением срывает с бюста влажное полотно.*) Вот как выглядела ваша дочь до операции! Вы видели ее теперь?

Синьора Коллини молчит.

И вы еще говорите, что я ее изувечил? Об этой операции будут писать книги! Она будет описана во всех медицинских учебниках! Будет служить примером и через сотню лет, а вы спрашиваете о таксе за увечье! Спросите свою дочь. Если хотите знать, во время третьей перевязки она пела! Она счастлива. Корчилась от боли, но пела.

Синьора Коллини. О нас вы не подумали?

Альберто. Неужели счастье дочери для вас ничего не значит?

Синьора Коллини (*значительно*). Счастье?!

Альберто. А разве нет?

Синьора Коллини. При иных обстоятельствах, я бы на коленях...

Альберто. Обстоятельства тут не причем. Важнее счастье Бьянки.

Синьора Коллини. Но какова его цена!

Альберто. Я не торговец. Мой гонорар – результат операции.

Синьора Коллини. Я имела в виду не деньги. У меня их столько, что мы могли бы поставить вам памятник.

Альберто. Лучше клинику. Моя кафедра работает в нечеловеческих условиях.

Синьора Коллини. Доминиканцам мы дали столько, что на эти деньги можно выстроить две клиники.

Альберто. При чем тут доминиканцы?

Синьора Коллини. Доктор, вы словно с луны свалились!

Альберто. Подкупаете? Я буду жаловаться.

Синьора Коллини. Кому?

Альберто. Нашей ученой коллегии.

Синьора Коллини. Не будьте наивным.

Альберто. Я дойду до самого папы.

Синьора Коллини. Даже если он вас примет, чего вы добьетесь?

Альберто. Справедливости.

Синьора Коллини (*видит, что перед ней безнадежно наивный человек. Деловым тоном*). Так сколько? (*Кладет на стол кошелек.*) Достаточно?

Альберто. Оставьте деньги себе. Я не доминиканец.

Синьора Коллини (*оставив кошелек на столе, идет к двери*). Я никогда ничего вам не давала. Запомните: никто вам ничего не платил. На операцию я не соглашалась. (*Решительно захлопывает за собой дверь.*)

Альберто, схватив кошелек, швыряет его вслед ушедшей. Высыпается серебро. Альберто сидит один, уронив голову в ладони.

Чезарина (*входит, видит рассыпанные деньги, собирая их*). Побойтесь Бога... Это словно брошенный на пол хлеб!

Альберто (*отсутствующим тоном*). Деньги не едят.

Чезарина (*продолжая собирать*). Но на них можно купить все... и даже спасти душу. Принести обед?

Альберто. Я не голоден.

Чезарина. Остынет.

Альберто. Я хочу посидеть один.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Кабинет Моресини.

Дженнаро. К вам Бьянка, доктор.

Альберто. Пусть войдет.

Дженнаро. Мне ассистировать?

Альберто. Оставь нас одних.

Дженнаро уходит, появляется Бьянка, ее лицо прикрыто вуалью.

Бьянка (*радостно*). Доктор! (*Бежит к Альберто, целует его правую руку.*)

Альберто (*отнимая руку*). Что за глупости!

Бьянка (*бросается ему на шею*). Я так счастлива!

Альберто (*пытаясь вырваться из ее объятий, нечаянно откидывает вуаль. На носу Бьянки небольшая повязка*). Сядь. Нет, сюда. Здесь больше света. Покажись, красавица. (*Бережно снимает повязку*.) Вот теперь бы и пригодился Донато! Теперь бы ему лепить твой бюст! (*Отступает, видит новое лицо Бьянки, с маленьким, соразмерным носом. Она в самом деле прекрасна. Доктор падает на колени перед делом своих рук, пристально смотрит Бьянке в лицо*.) Чуть правее... Еще... (*Присаживается на корточки*.) Хорошо. А теперь левее... Так.

Бьянка (*нетерпеливо*). Зеркало, доктор. Скорее!

Альберто (*зовет*). Дженнаро! (*Входит Д ж е н н а р о*.) Зеркало!

Дженнаро. Сейчас, доктор. (*Во все глаза смотрит на Бьянку*.)

Альберто. Ну, скоро принесешь?

Дженнаро (*пятакся к двери, не отрывая глаз от Бьянки*). Да, да... (*Возвращается с зеркалом, подает его Бьянке*.)

Бьянка (*нетерпеливо выхватив зеркало, разглядывает себя. Чутьочку разочарована*). Шрамы останутся... навсегда?

Дженнаро. И это вы называете шрамами? Шрамики! На расстоянии двух-трех шагов их вообще не видно.

Бьянка. Кто-то должен будет видеть меня вблизи. Совсем близко.

Альберто. Со временем они исчезнут.

Бьянка (*нетерпеливо*). Когда?

Альберто (*пристально рассматривая ее лицо*). Месяц... два...

Бьянка. Слишком долго.

Альберто. А двадцать лет было не долго?

Бьянка. Вы правы, доктор. Я глупая.

Альберто. Оставь нас одних, Дженнаро. (*Дженнаро уходит*.)

Бьянка. Я все представляла себе по-другому.

Альберто. Ты разочарована?

Бьянка. Нет, нет! (*Хватает Альберто за руку*.) Вы неправильно меня поняли.

Альберто. Шрамы исчезнут. Заживут. Можешь мне верить. Кожа, человеческая кожа способна...

Бьянка (*перебивает*). Понимаете, такое ощущение... Я представляла себе, что разверзнутся небеса, начнут звонить все колокола, я побегу по улицам и буду кричать от счастья, буду обнимать каждого встречного...

Альберто. А теперь?

Бьянка. Колокола звучат только во мне. Наконец-то я ощущаю покой... и смирение. Безграничное смирение перед твоим искусством, перед твоей отвагой...

Альберто (*словно поперхнувшись*). Ты сама не знаешь, что говоришь.

Бьянка. Мой единственный.

Альберто. Тебе нельзя выходить на солнце.

Бьянка. Мой творец.

Альберто. И осторожней, когда моешь лицо.

Бьянка. Хочу быть твоей. Только твоей.

Альберто (*сознательно подавляет ее излияния*). Из-за какой-нибудь чепухи могут быть серьезные неприятности. Слышишь?

Бьянка. Ты можешь меня отвергнуть, но не можешь отвергнуть свое творенье.

Альберто (*деловым тоном*). У вас есть собака?

Бьянка (*не слушая*). Я твоя. Твоя, хочешь ты этого или нет.

Альберто. Никаких домашних животных. Держись от них подальше. Они переносят заразу.

Бьянка. Я знаю, ты меня не хочешь!

Альберто (*подает ей маленькую баночку*). Этим будешь протирать шрамы. После каждого умывания.

Бьянка. Ты боишься? Чего?

Альберто. Достаточно тоненького слоя. Наноси легко. Никакого насилия. Совсем легонько...

Бьянка. Но ведь ты не трус. Нет! Ты способен привести в движение землю и небо!

Альберто (*трезво*). Через несколько дней ты на все будешь смотреть иными глазами.

Бьянка. Никогда!

Альберто. Об этом поговорим позднее.

Бьянка. Перед чем ты отступаешь? Почему ползаешь в пыли, когда Бог одарил тебя крыльями?

Альберто. Ну хорошо, хорошо... Иди уж и не забудь: при умывании – очень осторожно.

Бьянка. Я не стану навязываться. Но ты должен знать – я твоя.

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Церковный подвал. Уже знакомое нам общество столпов церкви: Орсини, Коллеоне, Вольпини и Коллини. Два молодых монаха, которых мы видели в роли прислужников, держат на больших подносах ряды бокалов с вином. Их застывшие фигуры напоминают почетную стражу. Коллини, держа на уровне глаз рюмку, изучает цвет вина, затем долго принохивается.

Коллини. Чудесная искра! Полагаю, это рейнский рислинг семьдесят шестого года...

Орсини. Извольте отпробовать, ваша честь.

Коллини (*церемонно пьет, дегустируя вино*). Так, так... Рислинг – это не подлежит сомнению. Но возможно, и семьдесят второго года...

Орсини (*аплодирует*). Ничего не скажешь, ваша честь. Знаток есть знаток. И верно, семьдесят второй...

Вольпини (*восхищенно*). Bravo! (*Все аплодируют.*)

Орсини (*берет Коллини за плечи, ведет к монаху с подносом*). Отведайте теперь этого!

Коллини (*берет бокал, самовлюбленно повторяет всю процедуру дегустации. Зрители окружают его*). А это... да... ясно! Королевский напиток, таким бы не побрезговал и Святой отец... (*Орсини*). Вы должны сказать мне, где вам удалось его раздобыть...

Орсини. Безусловно, ваше преподобие!

Коллини. Благодарю, ваша честь. (*С наслаждением отхлебывает вино.*) Бургунское серое... а вот год не могу определить... Исключительный напиток! Неповторимый букет! Такого я уже много лет не пил.

Орсини (*явно польщенный*). Будем продолжать это?

Коллини. Если бы зависело только от меня...

Коллеоне. Думаю, и остальные не против. Что скажете, господа?

Все услужливо соглашаются. Орсини делает знак монахам, те неслышно уносят подносы. Затем один из них возвращается с новым подносом и бокалами больших размеров, обносит гостей. Все, взяв бокалы, ожидают тоста.

Орсини. К чему слова? Вино говорит за меня. Будьте же здоровы, мои дорогие гости, приветствую вас от души. (*Все пьют.*)

Коллини (*повиснув на руке Орсини, отводит его в сторону*). До меня дошли слухи о Моресини... В чем суть?

Орсини. Трудно сказать. Пока только разговоры...

Коллини. Будьте осторожны. Разговоры не сулят ничего хорошего.

Орсини (*сдержанно*). Думаю, пока беспокоиться рано.

Коллини. Но ведь Моресини... да что там, не вам это объяснять.

Орсини. Нам все известно. Однако... Говорят, слух идет прямо из римской курии... Я знаю, что он для вас сделал, ваша честь, но советовал бы... Словом, чем дальше вы будете держаться...

Коллини. Думаете?

Орсини. Вольпини мог бы сказать больше.

Коллини (*пораженный*). С каких пор Вольпини делает такие высокие ставки?

Орсини (*покровительственно, со значением*). Молодежь нетерпелива, это хищники... Карабкаются вверх любой ценой. Нынче уже не поймешь, у кого какие связи. Я бы посоветовал крайнюю осторожность...

Коллини (*неприятно смотрит в сторону Вольпини*). Такое ничтожество, нуль...

Орсини. Вы правы, ваша честь, но поставьте этот нуль за единицей – и у вас уже десятка! Ваше здоровье!

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Церковный подвал. То же общество, что при дегустации вин. Среди высокопоставленных особ бегают нищенствующий монах И п н о л и т, пытаясь урвать лишний глоток божественного напитка. Выносит пустые бокалы, возвращается с серыми сутанами на согнутой руке. Обходит всех, каждому подает сутану. Присутствующие равнодушно надевают сутаны, под которыми все становятся одинаково безликими.

Коллеоне. Можете ее ввести.

Вольпини. Сию минутку, ваша честь... (*Выходит.*)

В сопровождении Вольпини появляется Бьянка.

Вольпини (*деловитый, сухой, безучастный*). Ты присягала, что будешь говорить правду и только правду. А потому приказываю тебе правдиво отвечать на вопросы присутствующих здесь благороднейших и достойнейших синьоров из священного трибунала инквизиции. Расскажи подробно, где и при каких обстоятельствах ты познакомилась с Альберто Моресини.

Бьянка. Я пришла к Моресини, в его дом на улице Лучников, и обратилась к нему с просьбой об операции.

Орсини (*с любопытством*). О какой операции? И почему именно к Моресини?

Бьянка. Я хотела, чтобы он оперировал мне нос. Я искала именно его, ибо слышала, как он учен и серьезен, о чем говорили не только в нашем, но и в других городах.

Орсини. Какие побуждения склонили тебя к мысли об операции?

Бьянка (*подыскивая слова*). Вид моего лица.

Коллеоне. Ожидала ли ты от операции изменения внешности, каковое должно было усилить твою женскую притягательность?

Бьянка. Да.

Вольпини. Обещал ли тебе это перед операцией Моресини?

Бьянка. Нет. Он меня отговаривал. Сказал, что мне будет больно.

Вольпини. Согласно показаниям заслуживающего доверия жителя нашего города, кои он подтверждает присягой, Моресини уговаривал тебя сделать операцию.

Бьянка. Наоборот. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы уговорить его.

Коллеоне. Бьянка из семьи Коллини, показаниями, коими ты пытаешься облегчить участь Моресини, ты вредишь себе. Тот, кто пытается сделать женщину более привлекательной, чем ее сотворил Всевышний, пробуждает нечистые желания мужчин. Это великий грех. Ты настаиваешь на своих показаниях?

Бьянка. Я не преследовала грешных целей.

Орсини. Прехний вид лица ты имела от рождения или обрела позднее?

Бьянка (*через силу*). От рождения.

Вольпини. Согласно показаниям, Моресини ставил под сомнение непогрешимость Божьего предначертания и тем самым проявил себя как еретик. Припомни как можно точнее слова, коими он выражал свои еретические взгляды.

Бьянка. Доктор Моресини никогда не говорил ничего ставящего под сомнение непогрешимость Бога.

Орсини (*с напором*). Мы обязаны наставить тебя на путь истинный. Не забудь, что участь Моресини подобными ответами ты не облегчишь, а свою вину отягощаешь. Ты сознательно покрываешь еретика. Тебя могут обвинить по категории *spectatores!*

Коллеоне. Ты не хочешь воспользоваться случаем, который со всей ласковой благожелательностью предоставляют тебе присутствующие здесь благороднейшие синьоры из священного трибунала инквизиции?

Бьянка. Я не собираюсь менять своих показаний.

Орсини. Мы понимаем, что ты благодарна Моресини за операцию. Но ты ослеплена благодарностью за операцию телесную и не подозреваешь, в какой опасности пребывает твоя бессмертная душа. Своим поведением ты бросаешь тень на родителей, кои с помощью любящего творца нашего даровали тебе жизнь.

Бьянка. Если бы я отвечала иначе, я бы нарушила присягу, которую дала вам, благороднейшие и достойнейшие синьоры.

Вольпини. Родители знали о твоём намерении подвергнуть себя операции?

Бьянка. Да. Знали.

Коллеоне. Как они проявили свое согласие?

Бьянка. Нельзя сказать, что они выразили его словами...

Орсини. Искала ли ты до операции утешения в молитвах?

Бьянка. Много лет.

Орсини. И молитвы не принесли тебе облегчения?

Бьянка. Я молила Бога о милосердии каждый день. Еще не научившись как следует говорить, я молилась. С детской горячностью, надеялась, что Бог меня услышит...

Вольпини. Твои молитвы не были достаточно искренни.

Бьянка. Бывает ли большая искренность, чем искренность ребенка?

Вольпини. Могла бы ты подробно описать ход операции?

Бьянка. Попытаюсь, но не знаю, будет ли это описание точным. Я была словно одурманена.

Орсини (*с живым интересом*). Одурманена? Как это понимать?

Бьянка. Доктор Моресини еще до операции несколько раз меня предупреждал, что будет больно. Перед операцией он дал мне отвар из каких-то трав, чтобы я легче перенесла боль. Потом он вымыл руки и, стоя на коленях перед распятием, долго молился, прося помощи у Бога.

Коллеоне. Он молился вслух?

Бьянка. Нет.

Коллеоне. Тогда откуда ты знаешь, что он просил помощи у Бога? И вообще – что он молился?

Бьянка. Я думаю, что он молился.

Вольпини. Думаешь или знаешь?

Бьянка. Думаю.

Вольпини. Весь допрос дословно запротоколирован почтенным братом секретарем священного трибунала. Повелеваю тебе строго блюсти закон молчания. До последнего часа, когда всевышний призовет твою бессмертную душу к ответу за земные дела, ты обязана хранить в тайне все обстоятельства допроса. Сей обет ты подкрепишь подписью и присягой.

КАРТИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Кабинет папского нунция. Помпезно убранные парадные покои. На этом фоне Альберто Моресини выглядит удручающе скромно. Бесцумно отворяются двери. Входит Нунций. Двери неестественно тихо затворяются.

Нунций (*чрезвычайно дружелюбно*). Моресини, сын мой! Сколько лет я тебя не видел! Подойди ближе. (*Нунций садится, Альберто продолжает стоять.*) Твоя слава ширится. Слух о твоём искусстве дошел до Рима!

Альберто. Ваши слова радуют меня.

Нунций (*с подчеркнутой ласковостью*). И по праву, сын мой, по праву. Результаты твоих трудов заинтересовали даже высшие церковные круги.

Альберто. Я всего лишь врач. Мои заслуги ничтожны. Делаю, что знаю, и свои знания передаю студентам.

Нунций. Отнюдь не ничтожны, сын мой, отнюдь.

Альберто. Я только выполняю свой долг.

Нунций. Ты чрезвычайно скромен, сын мой. Ты сделал блестящую карьеру. Насколько мне известно, ты моложе всех в Коллегии медицины и искусства. (*Заглядывает в бумаги.*) В чрезвычайно молодом возрасте тебе доверили руководство кафедрой анатомии и теоретической медицины.

Альберто. Я не знал, что вы так хорошо осведомлены о моем научном пути.

Нунций. Ты бы удивился, сын мой, сколько всего мы знаем... Сколько должны знать!

Альберто. Должны?

Нунций. Мы защищаем интересы Бога. И должны быть хорошо осведомлены.

Альберто. Зачем вы мне это говорите?

Нунций. Потому что мы осведомлены. Обо всем. (*Пристально смотрит в глаза Альберто.*) Ты допустил ошибку. Эта ошибка... словом... могла бы стать для тебя роковой.

Альберто. Не понимаю.

Нунций (*с превосходством*). Простодушие тебе не к лицу. Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

Альберто. Операцию Бьянки Коллини? (*Нунций кивает.*) И по столь ничтожному поводу вы проделали путь из Рима в Болонью?

Нунций. Ересь – не ничтожный повод.

Альберто (*задет*). Я – еретик?!

Нунций. Увы, да.

Альберто (*протестуя*). Невероятно!

Нунций. Чему ты удивляешься, сын мой?

Альберто. Что одна операция может вызывать такой переполох.

Нунций (*снисходительно*). Ты прекрасно знаешь, что речь идет не о носе. Нос – дело второстепенное. Тут затронута неприкосновенность веры!

Альберто. Не понимаю.

Нунций. Понимаешь, великолепно понимаешь! Своим поступком ты вмешался в дела веры. Выразил несогласие с Божьим промыслом.

Альберто. Не вижу никакой связи.

Нунций. А зря. Подойди ближе, подумаем вместе. Не полагаешь ли ты, что наш творец не мог одарить твою пациентку нормальным носом?

Альберто. Безусловно, мог.

Нунций. Правильно. Возникает вопрос, почему он этого не сделал? Думаешь, ошибся?

Альберто. Вполне вероятно.

Нунций. Но вера учит нас, что он **н е п о г р е ш и м!** А раз так, то это деяние намеренное. А коль скоро мы допускаем, что это намерение самого Бога, мы должны видеть в нем **в ы с ш и й п р о м ы с л.** Ты согласен?

Альберто (*настороженно*). Согласен.

Нунций. Взявшись за операцию, существенно изменившую внешность пациентки, ты допустил посягательство на высший промысел!

Альберто. Возможно, с точки зрения веры.

Нунций. А существует иная точка зрения?

Альберто. Научная.

Нунций. Не хочешь ли ты сказать, что теология не есть наука?

Альберто (*обороняясь*). Я этого не говорил.

Нунций. Значит, ты признаешь теологию наукой?

Альберто. Да.

Нунций. Тогда выходит – обе точки зрения научны?

Альберто. Безусловно, но каждая наука занимается своим предметом.

Нунций (*с превосходством*). Продолжай, сын мой.

Альберто. Предмет теологии – духовная область.

Нунций. Дальше.

Альберто. Предмет медицины – область телесная.

Нунций. Которая из них важнее?

Альберто. Это зависит от профессии. Для врача – телесная.

Нунций. А духовная?

Альберто. Для теологов. Об этом говорит само их название: духовенство.

Нунций. Донесения не лгут: ты безбожник. Еретик. Не признаешь приоритета духовного над телесным. Ставишь под сомнение превосходство теологии как науки. Твое поведение продуманно и осознанно. (*После краткого раздумья.*) Трибуналом святой инквизиции против тебя возбуждено дело. Знаешь, чем это грозит?

Альберто. Это очень опасно.

Нунций. Правильно. Потому-то я и предлагаю тебе выход.

Альберто. Еще не поздно?

Нунций. Я занимаю видное положение при папском престоле.

Альберто. И хотите мне помочь?

Нунций. Допустим.

Альберто. Но почему?

Нунций. У тебя хорошие друзья. Влиятельные люди, которых беспокоит твоя судьба. Я хочу спасти тебе жизнь.

Альберто. Моя жизнь в опасности?

Нунций. Да будет тебе известно, существует угроза и пострашней.

Альберто. Мне угрожает смерть?

Нунций. П о з о р н а я с м е р т ь. Если не поумнеешь.

Альберто (*потрясенный*). Что означает поумнеть?

Нунций. Раз уж ты необдуманно совершил эту операцию, ты должен исправить, что в твоих силах.

Альберто. Как?

Нунций. Признать свою ошибку. Свой просчет. Высказать сожаление. П у б л и ч н о. В будущем месяце будет ярмарка. Соберется много людей из города и окрестностей. Совершишь всенародное покаяние, признаешь ошибку, которую допустил в приступе гордыни.

Альберто. Нет.

Нунций. Не стоит торопиться с ответом. У тебя в запасе еще три недели. Подумай.

Альберто. Результатом операции я могу скорее гордиться...

Нунций. Мы образованные люди, сын мой. И должны найти общий язык. Допустим, с медицинской точки зрения ты добился победы. На целое столетие опередил современное врачевание. Это верно. Однако все преждевременное сопряжено с риском. Это покушение на общий уровень знаний. А потому вопиет о наказании. Моя миссия – сделать наказание бескровным.

Альберто (*протестует*). Такая расплата нелегка!

Нунций (*деловым тоном*). Зато бескровна.

Альберто. Я хирург. Кровь меня не пугает.

Нунций. Смотря чья.

Альберто. Существуют вещи и похуже.

Нунций. Ну хорошо. Не будем говорить о крови. Поговорим о жизни. Да и вообще – ведь смерть на костре бескровна.

Альберто. Мы говорим о жизни. Разве можно жить с чувством несмываемого позора? Я не могу сожалеть о том, чем должен был бы гордиться.

Нунций. И не надо, не сожалей. Достаточно изобразить сожаление. Думать можешь что угодно.

Альберто. Нет.

Нунций. Не говори «нет». У тебя есть еще время на размышления. Три недели, которые решат твою судьбу.

Альберто. Вы предлагаете мне лгать?

Нунций. Я предлагаю тебе выход. Приемлемый. Учитывая твои медицинские способности. И уповая на твою сообразительность. А также принимая во внимание заступничество твоих друзей.

Альберто. Я думал, для вас важнее всего вера.

Нунций. А как же! Конечно, вера. В е р а д р у г и х. От тебя я требую только готовности сотрудничать в деле укрепления веры других.

КАРТИНА СЕМНАДЦАТАЯ

Зал судебных заседаний. Сидят церковные сановники. На скамье подсудимых обессиленный, усталый Альберто.

Коллеоне. Изучив и взвесив протоколы предыдущих показаний, в коих ты упрямо отрицал свое заблуждение, мы заслушали твое дело в Генеральной конгрегации и приняли решение поставить тебя, Альберто Моресини, перед судом святой инквизиции, представленной присутствующими здесь благородными и досточтимыми синьорами. В качестве сторон выступают синьор Стефано Вольпини, доктор прав, прокурор Трибунала святой инквизиции, и Альберто Моресини, доктор медицины. Признаешь ли ты, что четыре месяца назад, а именно семнадцатого июня года господня тысяча пятьсот восемьдесят девятого, совершил операцию лица Бьянки, дочери Франческо Коллини с улицы Непорочного зачатия девы Марии, чем грубо посягнул на творение рук Божьих?

Альберто *(встает)*. Признаю, что названную пациентку я оперировал. Но эту операцию я не считал и по-прежнему не считаю ни грехом, ни вообще проступком против веры.

Слова просит прокурор Вольпини.

Коллеоне. Слово предоставляется досточтимому синьору Вольпини, прокурору Трибунала святой инквизиции.

Вольпини. Обвиняемому не дано судить, что есть греховное деяние. Это решат присутствующие здесь благородные и досточтимые синьоры, обладающие соответствующими юридическими и теологическими знаниями. *(Моресини.)* Ты согласен, что благодаря операции внешний вид Бьянки Коллини изменился?

Альберто. Не только согласен, но и подчеркиваю, что операция существенно изменила внешний вид моей пациентки.

Вольпини. Даже подчеркиваешь?

Альберто. Да, ибо операция явно сделала лицо Бьянки красивой.

Вольпини. Ты сознаешь, что таким образом вмешался в промысел Божий?

Альберто. Вот уже несколько недель вы пытаетесь меня в этом убедить. Но я по-прежнему стою на том, что операция не противоречит вере. Человек имеет право культивировать природу, иначе бы мы не смели подрезать фруктовые деревья, декоративные кусты, регулировать течение рек, выращивать новые породы лошадей! Все это было бы грехом.

Слово просит кардинал Орсини.

Коллеоне. Слово предоставляется благородному и достойнейшему синьору кардиналу Орсини.

Орсини *(с одышкой)*. Обвиняемый Моресини, деревья и кусты, реки и лошади не сотворены по образу и подобию Божию! Эта привилегия дана только человеку! Ты не подрезал фруктовые деревья или декоративные кусты. Ты резал человека. Слышишь, Моресини?! Человека, который сотворен по образу и подобию Божию!

Альберто. Кто из вас смог бы утверждать, что именно он подобие Господа?

Коллеоне. Протестую! Категорически запрещаю затрагивать этот вопрос!

Орсини *(в его словах звучит явное превосходство над противником)*. Мы можем это утверждать. Святая церковь компетентна в делах веры. И потому мы с полной ответственностью провозглашаем: образ и подобие Божьи ни в коем случае не терпят хирургического вмешательства, ибо они совершенны. *(Делает эффектную ораторскую паузу.)* Вот почему не подлежит человеческому вмешательству и сам человек!

Альберто. Микельанджело в Сикстинской капелле изобразил творца как прекрасного человека. Но Бога он никогда не видел. Не видел его и никто из нас. И потому он создал его по образу и подобию человеческому.

Коллеоне. Лишаю тебя слова, Альберто Моресини! Вместо того, чтобы высказать сожаление, ты используешь судебное разбирательство, чтобы публично попирать учение нашей святой церкви.

Слово просит Вольпини.

Коллеоне. Слово предоставляется досточтимому синьору Стефано Вольпини, прокурору Трибунала святой инквизиции.

Вольпини. Поскольку обвиняемый не проявил признаков христианского смирения и настаивает на своих еретических заблуждениях, предлагаю собранию сиятельнейших синьоров перейти к опросу свидетелей.

Слово просит Альберто.

Коллеоне (*неохотно*). Слово предоставляется обвиняемому.

Альберто. Прошу синьора председателя, достойнейшего отца инквизитора, вызвать в качестве свидетельницы Бьянку Коллини.

Коллеоне. Просьба обвиняемого отклоняется. Вызовите Донато Капелли.

Перед судом появляется Д о н а т о.

Коллеоне. Донато Капелли! Ты подтвердил присягой свою готовность говорить правду и только правду?

Донато. Да.

Коллеоне. Расскажи подробно, когда и при каких обстоятельствах ты познакомился с обвиняемым.

Донато. Примерно четыре года назад. Я был тогда серьезно болен. И обратился к доктору Моресини, который меня вылечил. Позднее мы еще несколько раз встречались в винном погребе «У зеленой жабы». В последний раз виделись несколько недель назад, когда я принес ему скульптурный портрет Бьянки Коллини.

Вольпини. Знал ли ты о намерении Моресини оперировать Бьянку Коллини.

Донато. Да.

Вольпини. И все же ничего не сообщил органам святой инквизиции. Почему?

Донато. Я не доносчик. Я скульптор.

Вольпини. Достаточно.

Коллеоне. Свидетель Капелли, суд тебя благодарит. Можешь идти.

Донато уходит.

Коллеоне. Пригласите свидетельницу Галло.

Входит Чезарина.

Коллеоне. Чезарина Галло! Расскажи подробно и правдиво, как долго ты знаешь обвиняемого и в каких отношениях с ним состоишь.

Чезарина. На день святого Урбана минуло одиннадцать лет, как я служу у синьора Моресини экономкой и кухаркой.

Коллеоне. Наблюдала ли ты, чтобы обвиняемый совершал еретические деяния или высказывал мысли, направленные против учения нашей святой церкви?

Чезарина. Отродясь не наблюдала. Мой хозяин богобоязненный и добрый сын нашей святой общины.

Вольпини. Не принимал ли он лиц, подозреваемых в вероотступничестве?

Чезарина. В чем, извините?

Вольпини (*с досадой*). В неверии. Словом, еретиков.

Чезарина. К нему ходили все больше хворые. Он им всегда помогал.

Вольпини. Ты знала, что обвиняемый оперировал Бьянку Коллини?

Чезарина. Знала.

Вольпини. Почему ты не сообщила об этом органам святой инквизиции?

Чезарина (*не понимая*). Так ведь он доктор. А оперируют и обыкновенные фельдшера.

Коллеоне. Свидетельница Галло, суд тебя благодарит.

Чезарина уходит. Слово настойчиво просит Альберто.

Коллеоне (с явным неудовольствием). Слово предоставляется обвиняемому.

Альберто. Еще раз настоятельно прошу собрание сиятельнейших синьоров выслушать свидетельские показания Бьянки Коллини.

Коллеоне. Порядок вызова свидетелей устанавливает суд. Просьба отклоняется. (*Заглянув в списки.*) Пусть войдет достойный синьор брат Ипполит.

Входит Ницченствующий Монах.

Монах (истово крестится). К вашим услугам.

Коллеоне. Узнаешь обвиняемого Моресини?

Монах. Да.

Коллеоне. При каких обстоятельствах ты познакомился с обвиняемым?

Монах. Обвиняемого я увидел впервые в его доме, когда, выполняя миссию нашего святого братства, просил о пожертвовании для церкви. Он изволил назвать меня облезлой крысой.

Коллеоне. Обвиняемый Моресини, признаешь ли верность его показаний?

Альберто. Не отрицаю.

Коллеоне. Почему ты назвал его облезлой крысой?

Альберто. Меня возмутило, что в то время как слабые, недоедающие дети вынуждены выполнять тяжелую работу на полях или в каменоломнях, этот могучий детина попрошайничает.

Коллеоне (*подчеркнуто*). Собирает пожертвования! По твоему ответу можно судить, что ты осуждаешь сбор пожертвований?

Альберто. Если их собирают те, кто может нормально работать, – да, осуждаю.

Коллеоне. Достаточно. Можешь сесть. А тебя, брат Ипполит, мы благодарим. Можешь удалиться.

Монах уходит. Слово просит Вольпини.

Коллеоне. Слово предоставляется досточтимому синьору Вольпини, прокурору Трибунала святой инквизиции.

Вольпини. Предлагаю собранию сиятельнейших синьоров выслушать свидетеля Дженнаро Галло.

Входит Дженнаро.

Коллеоне. Дженнаро Галло! Ты ассистировал обвиняемому во время операции Бьянки Коллини?

Дженнаро. Да.

Коллеоне. Это тебе приказал обвиняемый Моресини?

Дженнаро. Я ассистировал добровольно.

Вольпини. Вспомни хорошенько.

Дженнаро. Я сам предложил свои услуги.

Слово просит Моресини.

Коллеоне (*настороженно*). Слово предоставляется обвиняемому Моресини.

Альберто (*пристально смотрит на Дженнаро, словно умоляя его молчать*). Свидетель ошибается. Я просил его ассистировать. Сначала он не хотел. Но я убедил его, подчеркнув притягательность и неповторимость этой операции для будущего медика. Я подействовал на его честолюбие.

Вольпини (*дезориентированный*). Ты хочешь сказать, что свидетель, нарушив присягу, сознательно говорит неправду?

Альберто. Конечно, нет. Думаю, он и сам верит своим показаниям.

Коллеоне. Твои показания, обвиняемый, явно противоречивы. Дай вразумительное и однозначное объяснение.

Альберто (*упорно борется за спасение Дженнаро*). Славный суд, благородное собрание сиятельнейших синьоров! Свидетель находится под сильным впечатлением от успеха операции и потому встал на мою точку зрения. Это была первая серьезная операция, при которой он ассистировал. Он выполнял лишь вспомогательные работы, делал то, что я приказывал. Операция не интересовала его с философской стороны. Его роль была незначительна, все это мог бы выполнить любой другой.

Дженнаро с упрёком смотрит на Альберто.

Коллеоне. Обвиняемый Моресини! Значит, ты признаешь, что свидетель Дженнаро Галло действовал только по твоему наущению и прямому приказу?

Альберто. Да.

Вольпини. Достаточно. Предлагаю вызвать свидетельницу Бьянку Коллини.

Дженнаро потрясенный уходит. Появляется Бьянка. Альберто с надеждой пристально на нее смотрит.

Коллеоне. Бьянка Коллини! Расскажи правдиво и подробно, при каких обстоятельствах была совершена операция.

Бьянка (*отсутствующим голосом*). Да... (*Молчит, невидящим взглядом уставившись в одну точку. Воцаряется напряженная тишина.*)

Коллеоне (*обеспокоен*). Бьянка Коллини! Ты обязана дать показания. Где и когда ты познакомилась с обвиняемым?

Бьянка (*безвольно*). К обвиняемому я обратилась примерно полгода назад. (*Умолкает.*)

Коллеоне. Что было дальше? (*Бьянка молчит.*) Продолжайте.

Бьянка (*с нечеловеческим усилием, отсутствующим голосом*). Я обратилась к нему за помощью из-за постоянных головных болей. И тогда он сказал мне, что у меня... что мой нос... придает мне отталкивающий вид. И предложил с помощью операции его изменить. Сказал, что после операции я буду красивой и привлекательной. (*После паузы явно через силу продолжает.*) Операции я боялась, потому что с трудом переношу боль. (*Начинает говорить глаже.*) Он уговаривал меня, убеждал, что если я не решусь на операцию, то потеряю надежду на замужество и никогда не буду иметь семьи. В конце концов, я уступила и против воли родителей, у которых теперь прошу прощения... (*Обессилен, смолкает.*)

Вольпини (*с готовностью*). Достаточно. Показаниями главной свидетельницы вина подсудимого полностью доказана. Совокупно с показаниями предыдущих свидетелей мы получили несомненное подтверждение того, что Моресини виновен в полной мере и по всем пунктам обвинения.

Коллеоне. Обвиняемый Моресини! Хочешь ли что-нибудь добавить к показаниям свидетельницы?

Альберто (*ошеломленный, непонимающе смотрит на Бьянку*). Нет... (*Продолжает стоять.*)

Коллеоне. Свидетельница Коллини! Суд благодарит тебя. Можешь удалиться. Ты свободна.

Бьянка стоит как парализованная.

Свидетельница Коллини! (*С нажимом.*) Ты свободна.

Бьянка, безвольная, обессиленная, уходит.

Обвиняемый Моресини, можешь сесть. (*Альберто садится.*) Слово предоставляется синьору Вольпини, прокурору Трибунала святой инквизиции.

В дверях нарастает шум, сквозь стражу продирается Фелчита.

Фелчита (*ворвавшись*). Хочу дать свидетельские показания! Хочу предстать перед судом! (*Общее смятение.*) Погодите, я хочу дать показания!

Вольпини (*опомнившись*). Эта женщина не числится в списке свидетелей!

Феличита. Вольпини! Если с его головы падет хоть волос, я всему свету объявлю, на каждом углу буду кричать, что ты старый развратник! Слышишь, Стефано?! (*Страже.*) Не прикасайтесь ко мне! (*Прорывается вперед.*)

Вольпини (*опомнившись, страже*). Убрать! Не видите, что она сумасшедшая?! (*Монахи уводят Феличиту.*)

Феличита. Стефано, посмей только его тронуть!

Смятение постепенно успокаивается.

Коллеоне. Слово предоставляется досточтимому синьору Вольпини, прокурору Трибунала святой инквизиции.

Вольпини (*очнувшись от шока*). Благородное собрание сиятельнейших синьоров! Моя речь будет краткой. Расследование с абсолютной достоверностью показало, что поступки, коими обвиняемый прегрешил против законов и учения нашей святой церкви, вытекали не из мгновенного заблуждения, а лишь завершили его еретические помыслы и превратились в еретические (*Эффектная ораторская пауза.*) д е я н и я. Вышеупомянутой операцией он грубо вмешался в предначертания Божьи и сознательно стремился возвыситься над творцом, поправ тем самым основы нашей веры. И потому, как прокурор Трибунала святой инквизиции, я требую...

Сцена погружается во тьму. Одновременно в сплетении прожекторных лучей выступает картина ярмарки.

ЭПИЛОГ

На рыночную площадь в рубище кающегося грешника входит Моресини. На его голове – колпак еретика. Сделав несколько шагов, в знак публичного покаяния опускается на колени. За ним внимательно следят два монаха в серых сутанах, которых мы видели в церковном подвале. Моресини берет из мешочка на поясе горсть пепла и мажет им лицо. Монахи не спускают с него глаз. Появляется нищенствующий монах Ипполит, любителю унижением Альберто.

Монах (*с нескрываемой радостью*). А, кого я вижу! Уж не Моресини ли это? Знаменитый хирург и ученый Альберто Моресини! (*Наслаждается зрелищем.*) Ах да, глаза меня не обманывают! Это он! Каешься, Моресини, каешься?

Альберто. Каюсь.

Монах. Рад видеть. Ибо сказано: «Возносяся, смиришься...» Сожалеешь о содеянном?

Моресини. Сожалею.

Монах (*довольный*). Это хорошо, Моресини. Сожалей.

Альберто. Сожалею, что не могу дать тебе под зад коленом, облезлая крыса!

Монах (*озираясь вокруг*). Твое счастье, что у меня нет свидетелей.

Появляется Феличита с кувшином вина.

Феличита (*монаху*). Сгинь, подлая тварь, не то я глаза тебе выцарапаю! (*Замахивается на монаха кувшином.*)

Монах (*пятясь*). С тебя бы стало, потаскушка!

Феличита. Твоя бабка была потаскушка! (*Монах отступает. Став на колени рядом с Альберто, она подает ему кувшин.*) Напейся, Альберто.

Альберто отрицательно качает головой.

Пей! (*Прикладывает кувшин к губам Альберто.*)

Альберто берет кувшин в обе руки, сперва делает лишь несколько глотков, потом пьет жадно и долго.

Феличита (*стирает с лица Альберто пепел*). Все равно они тебя не приберут к рукам, любовь моя.

Альберто. Уже прибрали, Феличита.

Феличита. Не верю.

Чтобы приободрить, подталкивает Альберто, отчего стоявший на коленях Альберто садится. Феличита с готовностью присаживается рядом.

Входит Д о н а т о.

Донат. Вот вы где! Я ищу вас по всем трактирам.

Альберто *(с мрачным юмором)*. Я каюсь, разве не видишь?

Донат *(протянув руку к кувшину)*. А мне можно?

Феличита. Садись, художник. *(Донат, сев рядом с ними, пьет.)*

Мимо проходят разодетые Коллеоне и Орсини, на сидящих не обращают ни малейшего внимания.

Феличита. Собираются...

Донат. Куда?

Феличита. У Коллини помолвка.

Донат *(взвешивая в руке кувшин)*. У них сегодня вино чуточку получше.

Феличита. Пускай подавятся.

Появляется нарядный Дженнаро. Увидев Моресини, в замешательстве останавливается.

Дженнаро. Я искал вас, маэстро.

Альберто *(с интересом рассматривая Дженнаро)*. Вижу, мальчик.

Донат. Тебя пригласили?

Дженнаро *(смущен)*. Что я мог поделать?

Альберто. Ничего, мальчик, ничего. Иди-иди... И веди себя как следует.

Дженнаро *(нерешительно)*. Я бы...

Донат. Иди, Дженнаро! *(Дженнаро, подавленный, уходит.)*

Альберто *(с горечью глядя ему вслед)*. Подай мне кувшин, Феличе!

Феличита с готовностью протягивает кувшин. Альберто пьет.

Донат *(показывая на кувшин)*. Не помешал бы еще один!

Альберто. Золотые слова!

Входит разряженный Вольпини в сопровождении двух монахов. Мимо Моресини, Донато и Феличиты они проходят, как мимо пустого места.

Донат. Видал?

Альберто. Видал.

Донат. Вышагивает, как павлин.

Альберто. Думаю, свои проблемы он уже благополучно решил.

Феличита *(хихикает)*. Говорят, видели, как он бегал к равнине.

Альберто *(подавляя смех)*. Вот видишь, Донато, как мало нужно для счастья! *(Начинает хохотать.)*

Донат. Раньше надо было соображать! Мог бы ему пособить – и дело в шляпе! *(Задыхается от смеха.)*

Альберто *(облегчая душу смехом)*. Ты забываешь, я специализируюсь не в этой области!

Донат. Может, и нам пойти туда? *(Кивком показывает направление, куда пошли Коллеоне, Вольпини и другие.)*

Альберто. Нам? *(Смеется.)* А что бы мы там делали?

Феличита. Могли бы поздравить твою пациентку с женихом!

Поднимаются и, обняв друг друга за плечи, на неуверенных ногах со смехом уходят.

К о н е ц

